

ставляется также спорным чтение βασιλικὸν у Афиней, принимаемое автором и Д. Меджи¹; оно очень заманчиво, однако, грамматически более правильно читать βασιλικόν, как это делал Мейнеке, а вслед за ним Диттенбергер, Белох, Ростовцев и др. Аргументация автора не всегда убедительна. Из факта распространенности иранского пантеона и иранских имен в Понте и Каппадокии нельзя еще сделать категорический вывод, что персы в этих странах составляли большинство знати (стр. 14). Иранский пантеон и имена были очень распространены и в Армении и в Грузии этого времени, однако в этих странах совсем не было персидской знати. Этот факт легко объясняется политическим господством ахеменидского Ирана в этих странах, а также культурными влияниями.

Может вызвать возражение также преувеличение значения лидийской торговли и особенно утверждение, что лидийская аристократия состояла из богатых купцов (стр. 11). Некоторые надписи, анализируемые Т. Завадским, были иначе интерпретированы А. Б. Рановичем; к сожалению, автор не затронул в книге вопроса о своих расхождениях с А. Б. Рановичем, хотя книга последнего ему известна. В некоторых случаях, особенно в резюме, Т. Завадский пользуется принятой буржуазной историографией терминологией, — например, условных владельцев земли в период эллинизма он называет ленд-лордами, а укрепленные центры владений безоговорочно называет замками (castles).

Книга Т. Завадского является единственной монографической работой по земельным отношениям в Малой Азии эллинистического времени. Перевод ее на русский язык, несомненно, вызвал бы большой интерес у советского читателя.

А. Г. Периханян

L. HOMO, Alexandre le Grand, P., 1951, 391 стр.

F. SCHACHERMEYR, Alexander der Grosse. Ingenium und Macht, Graz, 1949, 495 стр.

После второй мировой войны у буржуазных историков необычайно возрос интерес к личности и деятельности Александра Македонского². Этот интерес не случаен. Временные успехи фашистского диктатора «Третьей империи» ассоциировались с «мировыми» завоеваниями Александра, а крушение «нового порядка» в Европе заставило еще раз задуматься о причинах распада его монархии. Стремление американских империалистов к мировому господству также заставляет идеологов буржуазии искать в близком и далеком прошлом исторические параллели и аналогии, которые смогли бы служить «обоснованием» для их захватнической политики. Англо-американские буржуазные историки, в частности, связывают попытки Александра сплотить воедино завоеванные им разноплеменные территории со стремлением современных империалистических держав создать различные «содружества» и «сообщества» наций.

Однако, независимо от политических тенденций ученых тех или иных стран, общим для всех новых работ буржуазных историков является культ личности Александра и неизмерная переоценка его роли в решении судеб восточных и западных

¹ См. D. Megie, Roman Rule in Asia Minor, Princeton, 1950, стр. 143.

² За это время появился ряд статей и комментированных переводов основных историков по истории походов Александра: Арриана (Capelle, 1950), Курция Руфа (Rolfe, 1947), а также несколько больших монографий: А. Р. В у г н, Alexander the Great and the Hellenistic Empire. L., 1947, 297 стр., две книги Робинсона — Ch. A. R o b i n s o n, Alexander the Great, The Meeting of East and West in the World Government and Brotherhood, N. Y., 1947, 252 стр.; о н ж е, The history of Alexander the Great, 1953 (работа преимущественно источниковедческого характера), и, наконец, капитальная двухтомная работа W. T a g n, Alexander the Great, Cambr., 1948 (см. нашу рецензию — ВДИ, 1952, № 1, стр. 173—179).

народов. Это — то основное, что объединяет в общем несходные по характеру работы известного французского историка Леона Омо и немецкого ученого Фрица Шахермейера.

Книга Омо представляет собой популярное изложение истории Александра Македонского. Его работа отличается полным пренебрежением к вопросам экономического развития. В книге, состоящей из 7 частей и 20 глав, нет даже параграфа, посвященного экономике. Омо много места уделяет личности Александра и его психологической характеристике. Успехи Александра в Восточном походе связываются с чертами его характера и объясняются исключительно его гениальностью как полководца. Смерть Александра, по мнению Омо, явилась главной причиной распада его империи. Последующая история эллинистических государств вплоть до поглощения их Римом рассмотрена весьма бегло. Значительное место уделено античным и более поздним легендам об Александре. Интересно только приводимое Л. Омо сопоставление фантастических рассказов о подвигах Александра и его воинов с литературными типами комедий Менандра, Плавта и Теренция.

За исключением отдельных удачных наблюдений и сопоставлений по частным вопросам, работа Омо не прибавляет ничего нового к нашим знаниям о времени Александра Македонского. В погоне за занимательностью автор часто жертвует научностью изложения. Излагая противоречивые сообщения источников, Омо обычно ограничивается перечислением противоположных мнений. Так, например, он приводит все имеющиеся в источниках соображения о причинах смерти Филиппа II, но не дает никакой оценки достоверности этих слухов (стр. 10 сл.). Отсутствие исторической критики характерно и для рассказа об убийстве Пармениона (стр. 184).

Если в книге не нашлось места для детального разбора противоречивых сообщений источников, то зато большое количество страниц уделено всякого рода малодостоверным анекдотам. Слова и речи Александра, заимствованные без всяких оговорок из поздних, недостоверных источников (например, разговоры царя с Пором, обращения к воинам и т. д.), приводятся как действительные. В качестве достоверного факта приводится анекдот о Гордиевом узле, как доказательство изначального стремления Александра завоевать всю Азию. Легковесное обращение с источниками проявляется, например, и в том, что Омо, говоря о численности персидской армии перед походом Александра и доходах персидского царя (стр. 95 сл.), некритически заимствовал цифры из данных Геродота, относящихся к другому времени. В то же время автор подробно анализирует источники о судьбе жеребца Александра — Буцефала (стр. 89). Не достоверен приводимый автором (стр. 331) анекдотический рассказ Лукиана о том, как Александр оборвал льстивую попытку Аристобула приписать ему сверхъестественную силу и храбрость в единоборстве с Пором. Известно, что льстецов-историков при дворе Александра всегда было много, но как раз Аристобул, по общему признанию¹, не принадлежал к их числу. К тому же Омо искажает текст Лукиана, называя, вопреки его сообщению, Аристобула ритором.

Хотя Л. Омо как будто стремится дать только занимательный рассказ об Александре, однако его политическая тенденция достаточно ясна. История, по мнению Омо, делается выдающимися личностями, носителями организующих идей. Так, главной причиной возвышения Македонии он считает «гениальную» деятельность Филиппа II (стр. 34 сл.), гибель Персидской империи объясняется упадком личной энергии и храбрости персидских царей, вызванным гаремной жизнью и вмешательством женщин и евнухов в государственные дела (стр. 97 сл.). Причиной распада монархии Александра Омо считает его раннюю смерть, а также смерть Пердикки, который после царя остался носителем единства империи. Поэтому Александр привлекает Омо прежде всего как «сильная личность». Через всю книгу проходит явное стремление оправдать все действия Александра, даже самые предосудительные. Жестокое подавление Александром антимакедонского движения в

¹ Это показал еще И. Г. Д р о й з е н («История эллинизма», т. I, М., 1890. Приложение, стр. 137). Из современных авторов см. W. T a g n, ук. соч., т. II, стр. 29—43.

Греции после смерти Филиппа Омо считает «деликатной задачей, которую Александр разрешил энергично и с умеренностью, необычайной для молодого человека двадцати лет и предвещавшей еще более великое будущее» (стр. 67).

Даже такой апологет Александра, как Тарн, считает разрушение Фив, убийства при Массаге, а также убийство без суда имевшего огромные заслуги перед Македонией и лично царем Пармениона — тремя черными пятнами на жизненном пути Александра¹. Омо оправдывает царя в этих действиях, изображая его человеком «железной воли» (стр. 12), для которого слово «невозможно» не существовало. Так, например, вероломное избиение сложивших оружие воинов в Массаге, по мнению автора, было вызвано возможными коварными замыслами со стороны сдавшихся наемников (стр. 198). Эта попытка во что бы то ни стало «обелить» Александра была достаточно убедительно раскритикована Тарном.

Прославление «сильных личностей» дополняется у Омо апологетическими рассуждениями о пользе их деятельности. Так, например, идея «крестового похода» греков и македонян против персов, по мнению Омо, объединила Грецию и избавила ее от присущего ей партикуляризма (стр. 118). Филипп и Александр рассматриваются в книге Омо как благодетели Греции, вынужденные из-за «бессмысленной» жажды греков сохранить свою свободу навязывать им благодеяния силой. Только Македония под управлением своих «гениальных» царей «могла дать Греции единство, которого не могли ей принести ни Афины, ни Спарта, ни Фивы» (стр. 39). Автор не понимает, что дело не в этническом отличии македонян от греков, а в различии уровня социально-экономического развития обоих народов. Ведь известно, что в свое время партикуляризм греков не помешал успешно отразить нашествие персов, а те же македоняне спустя два века не смогли защитить собственную независимость от Рима.

Восхваление Омо Македонии, представленной как могущественное государство, во главе с сильным диктатором, который берет на себя решение судеб народов вопреки их воле, но якобы для их блага, быть может, даже независимо от желания автора, служит делу «оправдания» современных претендентов на мировое господство. Еще в начале XX в. французская буржуазная историография, и прежде всего Г. Глотц и его ученики, видели недосыгаемый образец в Афинской демократии, в то время как немцы, в основном прусские историки превозносили Македонию, в которой они усматривали прообраз Пруссии. Культ Македонии и Александра еще более усилился в немецкой историографии в мрачные годы фашизма. Эти худшие традиции пытаются перенести на французскую почву Л. Омо.

Ярким образцом характерного перелома взглядов у античников, занимавших в свое время ведущее положение в «исторической науке» гитлеровского «райха», является книга Фрица Шахермейра, посвященная Александру Македонскому. Этот труд — плод долголетней работы автора — выгодно отличается своей основательностью в разработке частных вопросов от легковесной книги Омо. Автор вынужден был, по его словам, отказаться от более 1200 примечаний, долженствовавших составить второй том исследования, так как условия научной жизни в Австрии не позволили издать книгу в двух томах. В работе Шахермейра имеется лишь несколько десятков примечаний, в которых обосновываются новые взгляды по общим вопросам. Частные проблемы автор обещает рассмотреть в журнальных статьях.

Уже в предисловии Шахермейр признает, что события военных лет «целительным образом» повлияли на формирование у него общего взгляда на историческую роль Александра и что без этих последних событий «книга не могла бы возникнуть в ее настоящем виде» (стр. 9).

Центральным вопросом, вокруг которого группируется весь исторический материал, является вопрос о роли личности в истории. Подзаголовок книги: «Гений и власть» — говорит о претензии автора на философское разрешение этой проблемы. Рассматривая под этим углом зрения всю историю человечества, Шахермейр считает

¹ W. T a r n, ук. соч., т. I, стр. 89, ср. стр. 125.

что всех великих исторических деятелей можно разделить на два типа. К первому типу принадлежат «рациональные» гении, понимавшие обусловленность своей деятельности окружающей действительностью и «рассчитывавшие свои ресурсы, как инженеры рассчитывают машины». К ним Шахермейр относит прежде всего своего любимца Филиппа Македонского, Августа, Карла Великого, Петра Первого, Бисмарка и т. д. Второй тип — это «необузданные властители», ставящие себя над материальным миром, приписывающие себе сверхъестественную силу и считающие себя «всемогущими магами». К их числу он относит Александра Македонского, Валленштейна, Карла XII, Наполеона и др., «не говоря уже о современных экспериментах» (стр. 477) — достаточно ясный намек на неудавшегося немецкого диктатора (ср. стр. 478). Неудачей «этих экспериментов», по видимому, и определяется «целительная» перемена «общего взгляда», сказавшаяся в отрицательном отношении автора ко второму типу государственных деятелей. Этим вызвана и заключительная мысль всей книги: не надо нового титана-завоевателя, попирающего человеческую свободу! (стр. 495). «„Безудержный“ гений допустим только в области духа. Там он не связан ни с законами природы, ни с социальными отношениями окружающего мира. Он стоит выше добра и зла» (стр. 467). Когда же в его руках оказывается власть, «титанические силы» становятся вредными для людей и «он неизбежно должен потерпеть поражение» (стр. 478).

Если в области эстетики ничто пока не помешало Шахермейру сохранить свои идеалистические ницшеанские представления, то в области истории сама жизнь заставила его отказаться от веры в «изначальную внутреннюю силу гениев действия» (стр. 138). «Александр — мрачный герой! — пишет Шахермейр, — его цели, не соответствовали историческому развитию» (стр. 468). Он — гениальный полководец, его отличает блестящий способ одерживать победы, но Персидская монархия пала бы и без Александра» (стр. 474 сл.).

Для того чтобы идеалист Шахермейр пришел к такому близкому к истине решению, потребовались, по видимому, все события последних лет. Только после гибели «Третьей империи» Шахермейр, наконец, заметил, что в государствах, «руководимых подобными „апокалиптическими“ фигурами, не признающими правила „живи и давай жить другим“» (стр. 52 сл.), попирающими права и достоинства личности (стр. 400, 470, 495), жизнь людей становится при этом «титаническим произволом подобием жизни муравьев или термитов» (стр. 490). Он ставит вопрос: были ли «осчастливленные» деятельностью Александра люди действительно счастливы — и отвечает на этот вопрос отрицательно.

Несмотря на глубокие сдвиги в мировоззрении бывшего фашистского историка, книга Шахермейра свидетельствует о том, что прежние его воззрения далеко не изжиты. Прежде всего, автор все еще склонен к оправданию агрессии, мотивируя это пресловутыми «геополитическими» соображениями. По мнению Шахермейра, исторический опыт последних веков учит, что завоевание побережья не будет прочным, если не закрепить «хинтерланд». Филипп геополитически нуждался в Анатолии для округления греческой сферы Эгейского моря (стр. 47 сл.).

Полностью сохранил Шахермейр и прежние расистские взгляды, неоднократно заявляя о превосходстве «индогерманских» племен Ирана над остальными народами Востока. Он считает, что «у иранцев была соблазнительная возможность влить фактор молодости в усталые городские культуры Востока» (стр. 100). Персидская монархия представляется ему лучшей из всех остальных объединений Востока. Царь здесь — *grimus inter pares* (стр. 103). Последнее утверждение звучит прямым парадоксом для всякого мало-мальски знакомого с деспотической властью Ахеменидов.

Настолько глубоко укоренились фашистские доктрины гитлеризма во взглядах Шахермейра, что даже теперь, после его краха, он считает одной из причин неудачи создания «мировых государств» недостаточно последовательное проведение «национального принципа». Александру следовало ограничиться объединением греко-македонского мира: «Своей идеей мирового государства Александр привнес персам чуждый им космополитизм» (стр. 406). Еще страшнее, по мнению Шахермейра, был результат деятельности Александра для его соотечественников: «Стремясь к бес-

предельному расширению своей власти, Александр поставил под удар все завоевания» (стр. 471). Он разрушил национальное единство греков и македонян, над созданием которого работал Филипп (стр. 97).

Филипп II в книге Шахермейра противопоставлен «безудержному» Александру как тип «рационального» государственного деятеля: «Великий строитель соразмерно задуманного здания» (стр. 83), не забегавший вперед, не ставивший невыполнимых задач (стр. 49), Филипп показывает, что может сделать личность в истории (стр. 38). Именно «результатом деятельности этого гениальнейшего шахматиста» было прочное присоединение греков к Македонии, разрушенное впоследствии Александром.

Организация Коринфского союза по своей гениальности может быть сравнена, — пишет автор, — разве что с принципатом Августа. Там — сочетание принципа монархии и республики; здесь — согласование партикуляризма и автономии с македонским владычеством. Шахермейр цинично восхваляет великодушие и такт Филиппа, который формально не стеснил свободы греков, а если и вмешивался в их дела, то делал это не как македонский царь, а как «потомок Геракла» (стр. 42). По словам Шахермейра, Филипп по отношению к покоренным им грекам проявил «такую деликатную внимательность, как будто бы хотел победить огорченные сердца великодушием» (стр. 41).

Безудержное восхваление Филиппа создает фон для изображения «неистовств» противопоставляемого ему Александра. Вопреки распространенному в исторической литературе мнению¹, что апофеоз был нужен Александру в политических целях, Шахермейр утверждает, что «Александр чувствовал себя богом» (стр. 433). Проникнутый сознанием своей «апокалиптической миссии» Александр был окружен «послушными марионетками» (стр. 402).

Шахермейр не может полностью изжить в себе сочувствие своему бывшему кумиру. Он пишет о трагедии одиночества Александра, которого никто не понимал и «которого окружали только льстецы и ненавистники» (стр. 493). «Даже титаны склонны к лести» (стр. 121), — говорит Шахермейр. Однако не только цель Александра была фантастической, но и средства, им избравшиеся, отличались безрассудностью. Единственный брак его сподвижников и воинов — знаменитая свадьба в Сузах — не мог привести к слиянию Востока и Запада и скорее напоминает действия хозяйина конского завода, чем мудрого повелителя народов, — с осуждением пишет Шахермейр (стр. 400). Он убедительно опровергает Тарна, показывая, что Аравийская экспедиция имела не исследовательскую, а завоевательную цель (стр. 449). Проект западного похода Александра включал заселение Аравии специально купленными для этого на Ближнем Востоке рабами, проведение дороги через Сахару и постройку большого количества новых городов и гаваней (стр. 454 сл.).

Но планы Александра пришли в противоречие с окружающей действительностью. «Мир не созрел до его идей, и смерть была единственным возможным выходом из его беспредельных устремлений» (стр. 479). И все-таки преклонение буржуазного историка перед личностью Александра столь велико, что Шахермейр, вопреки своим же взглядам, считает его способным совершить даже невозможное: «То, что Рим подготовлял веками, Александр мог совершить своим гением в несколько лет» (стр. 458 сл.). Правда, автор замечает, что, хотя «гений власти» и может достичь любых целей, поставленных перед собой, но сохранится после него и перейдет к потомкам лишь то, что было обусловлено всем ходом исторического развития. Однако это заявление должно было только создать видимость единой концепции у Шахермейра и дать ему возможность связать концы с концами в его книге.

Суеверно преклоняясь перед изобретенными им двумя типами гениев, Шахермейр не понимает, что настоящими творцами истории являются не отдельные личности, а народные массы.

М. Н. Ботвинник и В. Н. Селецкий

¹ С. И. К о в а л е в, Александр Македонский, Л., 1937, стр. 53; W. T a g n, ук. соч., т. I, стр. 113 сл.